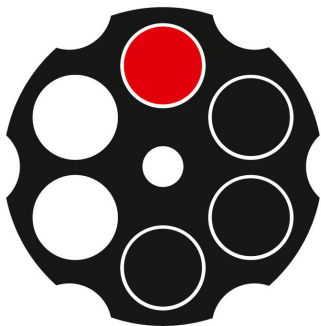

эдуард лимонов

КОНТРОЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

18+

Эдуард Вениаминович Лимонов

Контрольный выстрел

Серия «Публицистический роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34741888

Э. Лимонов. Контрольный выстрел: ООО Издательство «Питер»;

Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-4461-0824-4

Аннотация

В сборник эссе, написанных Эдуардом Лимоновым в тюрьме, вошли рассуждения о рабочем классе, притягательности капитализма, эстетике бунтов и обнищании великой русской культуры.

«Мне нравится думать чёрт знает о чём. Потому что мысли мои – взбалмошные. Они о ногтях, о мясе, о деньгах, о железной дороге. Это ряд простых, убойных, как контрольный выстрел в голову, размышлений. Это ни в коем случае не Большая Литература». Э. Л.

Издание содержит нецензурную брань и публикуется в авторской редакции.

Содержание

Предисловие ко второму изданию книги	5
Матушка	7
Бабий век	11
Сиськи в тесте	16
Нора и Родина	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эдуард Лимонов

Контрольный выстрел

© ООО Издательство «Питер», 2018

© Серия «Публицистический роман», 2018

* * *

Предисловие ко второму изданию книги

Эссе, собранные в этой книге, написаны мною в тюрьме «Лефортово». Первое издание было осуществлено в 2003 году, то есть пятнадцать лет тому назад, издательством «Ульт-ра-Культура», возглавлявшимся ныне покойным Ильёй Кормильцевым.

Тематически книга примыкает к книге лекций «Другая Россия» и продолжает суровую критику русского образа жизни, «русского адата».

Такие главы, как «Матушка», «Нора и Родина», «Ж/д», «Опера и балет», «Ангелы Ада и Адам Смит» останутся, я уверен, в сокровищнице наблюдений русских над самими собой. Это такое никогда не стареющее «Россияведение». В то время как эссе «Цивилизация алкоголя и гашиша», «Краткая история костюма», «Идеология сказки» демонстрируют увиденные под необычным ракурсом международные отношения.

«Это всё должно быть переиздано, потому что оно живое и животрепещущее», – сказал я себе и обратился к издательству «Питер» с предложением о переиздании. Предложение было принято.

Не нужно думать, что суровая критика русского адата,

созданная в тюрьме «Лефортово» в 2001–2002 годах, противоречит любви к Родине и сегодняшним политическим взглядам автора. Не противоречит. Но принадлежит к одному цельному мировоззрению, есть его составная часть. А, к примеру, эссе «Идеология сказки», написанное в форме памфлета, поражает своим современным пониманием поведения Соединенных Штатов Америки. Поэтому вот пятнадцать лет спустя переиздаю эту книгу.

Автор

Матушка

Россия обычно представляется в облике России-матушки, этакой суровой активистки, приближающейся по энергичности к типу солдатской матери. Однако в противоположность современной антивоенной пацифистке – солдатской матери – Россия-матушка зовёт со старых плакатов своих детей в обратном направлении: не из разбомблённой Чечни прочь в московскую или екатеринбургскую квартиру, но на праведную войну с немецко-фашистскими захватчиками. Так что Россия-матушка существует, скорее, как прошлый образ, но новых не появилось, потому её никто не упразднил и конкурентов или конкуренток – символов России – у неё нет.

В «матушке» – символе страны содержится фатальный глубокий смысл. Во Франции образ *Patrie* (Отчизны) представлен Марианной, как её называют, – это образ молодой женщины. В XVIII веке образ Свободы – юной, полногрудой, в красном фригийском колпаке, она сжимает древко знамени на баррикаде – наложился на образ Родины, и вот последние столетия Марианна – это Франция. Представьте себе русских, называющих Родину Машей или Наташей! У англичан Родина персонифицируется то с долгоцарствовавшей королевой Елизаветой I, затем с долгожительницей королевой Викторией, а ныне с пожилой уже Елизаветой II. *God save the Queen!* Однако королевы-долгожительницы (хотя они и

дали названия целым эпохам: елизаветинской, викторианской) лишь отчасти символы Великой Британии. Им далеко до абсолютности русской матери-Родины. У янки есть отчизна мужского пола – это еврейский uncle Sam, точнее Samuel, с длинной белой бородой голландского сектанта – то ли квакера, то ли меннонита.

Почему русские любят свою Родину в облике женщины, минувшей свои лучшие годы, уже неплодной, бывшей женщины? Тюремное сознание даёт ответ, и очень исчерпывающий, на этот вопрос: в тюрьме почитается только мать-старушка. Ведь другие ипостаси женщины изгнаны из тюрьмы: молодые женщины все обладают инстинктом соития, все практически оказываются неверны заключённому. И только мать-старушка, женщина, у которой репродуктивный возраст позади, только она ждёт и любит своего непутёвого тюремного сына. По всей вероятности, наш народ адаптировал себе в качестве символа Родины именно мать заключённого, она же и солдатская мать, ибо заключённый лишь крайний сосед солдата, они помещены на том же поле. Оба несвободные, один жертва наказания, другой – долга.

Есть, мы знаем, другой образ матери, куда более известный и универсальный, растиражированный средневековыми ещё иконами, – образ Мадонны с младенцем. Воспроизведённый сотни тысяч раз на картинах, в том числе на русских иконах, почему не молодая женщина, прижимающая к себе дитя, почему? Молодая мать может изменить, по-

тому в образе матери-Родины важен её нерепродуктивный возраст. Мать-старушка – единственный небольшой для сына-заклѹчѣнного образ женщины (жена, девушка могут изменить, мать не может) – является таким же единственным родным и неизменяющим образом для сына-солдата.

Мать-Родина, старушка-пенсионерка, солдатская мать – на самом деле самый неженственный образ. Наша Родина – бывшая женщина.

Можно аргументировать избрание символом матери-Родины необходимостью того, чтобы полный сил и здоровья сын защищал старушку-мать. Родина для русского таким образом есть не сила, распространяющая покровительство, но слабость, нуждающаяся в защите. Но опять-таки белогрудую французскую Марианну также нужно было защищать от германских парней в куда большей степени, потому что там, где русскую старушку-мать всего лишь пнут в грязь, французскую пышногрудую девку пускают по кругу, изнасилуют.

Целью настоящих размышлений являются сами размышления и всплывшие в их процессе несколько интересных наблюдений.

Внимательный читатель уже сообразил, что от подобных размышлений пахнет крутым ревизионизмом. Что в первых же строках его вывозят с территории обычных политических категорий на опасные болотистые почвы переосмысления привычных национальных верований. Однако чрезвычайно подозрительна позиция общества, избравшего

себе такой символ. Это не отец, не волк, как у чеченцев, не ночки, но бывшая женщина – пенсионерка. Сын должен защитить бывшую женщину, некогда послужившую ему инкубатором. Наш символ Родины – реликтовое напоминание о матриархате? Наш символ общества пришёл из тюрьмы? Наше общество устроено по тюремным понятиям? Верно и то и другое. Это нездоровый символ, но другого у нас нет. Страна по-тюремному обожествляет старушку маму-Родину. Короче, «Не забуду мать родную!» и «Родина-мать зовёт!» – две реплики из одной и той же мелодрамы.

Я слышу, как уже свистят в воздухе брошенные в меня камни.

Бабий век

Жители исламского мира считают, что наши женщины бляди. Есть два ответа на этот упрёк. Да, со своей позиции, с позиций и адата, и шариата, – они правы. Второй ответ тот, что поведение наших городских женщин в общем-то, с некоторыми различиями здесь и там соответствует поведению женщины в западном обществе. Женщины западного мира были чрезвычайно легкодоступны для быстрого соития до прихода на Запад болезни AIDS (или СПИД по-русийски). Они утихомирились в какой-то мере в связи с эпидемией СПИДа, хотя и всё равно остаются достаточно легкодоступными. Русские городские женщины остались в доспидовой ситуации. Они использовали и развили свою исторически созданную советской властью свободу для своих целей. Они зашли в свободности соития даже дальше своих западных подруг. Можно согласиться с суровым мусульманским приговором. Да, наши женщины не суровых нравов. Да, они бляди.

Следует понимать, что бабий век таки короток, в жизни пола женщина – существо куда более эфемерное, чем мужчина. У мужчины четыре сексуальных жизни, у женщины – одна. Именно поэтому шариат предписывает здоровому мусульманину возможность иметь четырёх жён, по мере продвижения по времени.

Женщина и на Западе, и в России стремится как можно интенсивнее прожить свою коротенькую сексуальную жизнь с 15 до 30 или с 20 до 35 лет, у кого как. Именно «интенсивность», стремление иметь больше партнёров и больше соитий и называем мы «блядством». Эти пятнадцать лет также – годы наилучшего репродуктивного возраста. Они совпадают со временем, когда человеческая самка наиболее привлекательна. Потому под влиянием женского лобби (это не только женщины, но и женолюбы) создалась женоцентристская культура Запада, культура располагающая вокруг себя во времени и пространстве весь западный мир и его ценности. Всё в современном западном мире подобрано к нуждам молодой женщины, всё обслуживает её интересы: в мужчине ценится способность «любить», а не воевать, внимательность к нуждам женщины, мужчина из глянцевого журнала трудится, чтобы покупать женщинам подарки, богатство – способ завоевать женщину. Во всех случаях речь не идёт о женщине-матери, Мадонне или матери-старушке, заметьте, но исключительно о гуляющей одинокой особе. Западная культура именно женоцентристская, несмотря на то что мужчины играют роли руководителей, президентов и военачальников. Вся западная (и русская вместе с нею) культура, даже наши сказки искажают реальное жизненное соотношение вещей. Даже дешёвые сезонные одноразовые песенки о любви грешат против истины, настаивая на равенстве биологических потенций мужчины и женщины, твердят об одной

любви. Женщина как организм живёт дольше мужчины, но как объект желания живёт недолго. Одноклассники, пожившие после школы, имеют неравную судьбу. Она, родив ему двоих-троих детей, уже не может по возрасту привлекать его ярким свежим опереньем (это как у птиц, да!). В 33 года её, конечно, можно и нужно уважать как мать его детей, и он это делает, но привлекать его она не может. Природа знает, что делает, когда навешивает девушкам груди в 12–14 лет и тогда же, а то и раньше, заставляет их менструировать. А её одноклассник в 33 года – свежий самец. У мусульман он, если позволяют средства, берёт себе вторую жену и радостно с ней совокупляется. Спустя ещё 15 лет, в 48 лет, он прекрасно может взять себе третью жену. А в 60 лет и четвёртую. Ибо в то время, как в мужчине женщину привлекает мужественность и зрелость, мужчину привлекает в женщине свежесть, юность, нежность тела, лица, внешнего облика.

Она противится своей участи. Она стремится в западной цивилизации сделать вид, что равный брак – единственный возможный брак, что женщина в 40 и мужчина в 40 лет – одинакового возраста. Но нет же, ничего подобного! Возможно начинать и с брака одногодков, может быть. Но в районе 30 лет дороги женщины и мужчины расходятся. Она уже менее соблазнительна и менее способна к репродуктивным функциям (последнее мало заботит современную западную женщину, если вообще заботит), хотя ещё способна. Где-то в возрасте 30 лет её материнские функции начинают преоб-

ладать над её привлекающими, соблазняющими функциями. (Если она выбрала участь бесплодной смоковницы, то после тридцати она начинает засыхать.) Именно потому женщины после 30 лет более привлекательны для молодых неопытных самцов, зрелым мужчинам они редко нравятся.

Чтобы не быть обречённым на совокупление с женой-бабушкой, западный брак всегда соседствовал с институтом содержанок. Любовница и у аристократа и у буржуа была его законным и нормальным дополнением к браку. Буржуа, следуя своим нормальным инстинктам, практически институционализировал содержание любовниц. Их включали в завещания. Куда естественнее, честнее и здоровее мусульманская система брака, когда мужчина приводит новую жену под одну крышу со старой женой.

Понимая, что 15 или 20 лет – это всё, что у неё есть для жизни плоти, для удовольствий плоти, женщина испокон веков стремилась растянуть свой возраст удовольствия. Недаром целые индустрии одежды, ухода за телом, за кожей, с целью продления привлекательности, созданы на Западе. Цель этого, разумеется, не достижение бессмертия, но продление периода привлекательности. Во имя привлекательности и наслаждения современная западная женщина вообще отказывается от своей репродуктивности, от предназначенной ей жизненной цели – материнства, замещая её гедонистической целью наслаждения. Однако старится она всё равно, если не материнство старит её, то аборты или химические

способы, позволяющие не забеременеть.

Мусульмане называют наших женщин блядь-ми, исходя из понимания роли и цели существования женщины — желанной юной жены, с которой совокупляются с целью производства потомства. Наши женщины совокупляются с целью только удовольствия совокупления и потому достойны этого презрительного «бляди!». Мусульманская позиция консервативна. Российская позиция, кажется, устраивает не только наших женщин, но и русских мужчин: удовольствий плоти в российской жизни больше, и они разнообразнее. Но отказавшись от своих репродуктивных функций, русские женщины неумолимо умерщвляют нацию. Это есть страшная плата за удовольствия. То, что в конце концов некому будет получать удовольствия, точнее говоря, в конце концов некому уже будет произнести на русском языке фразу: «Я получаю удовольствие», таковых живых существ просто не останется... Это касается не только русских, все западные, так называемые «цивилизованные» нации всё менее желают исполнять репродуктивные функции. Сосредоточиваясь на достижении «удовольствия» и для этого вознеся на пьедестал молодую самку. Что происходит с ней после 35 лет, цивилизацию не интересует. Бедняги уползают от света, но живут ещё долго. Кое-как.

Сиськи в тесте

Есть такое архаичное определение эпохи поколения моей мамы. О женщине широкоплечей и крепкой, как молотобоец, говорили «кувалда».

Российские учреждения полны «кувалд» и «медуз». «Медуза» – это расплывшаяся телесная особь и её плохо упакованная плоть. В последние десять-пятнадцать лет к этим двум категориям служащих чиновниц добавилась категория «селёдок» – обычно это худые молодые женщины до 30 лет, в большинстве своём со стервозными лицами.

Любое российское учреждение: министерство, ведомство, управление, от Совета министров до почтового отделения в основном укомплектовано тухлой бабьей плотью в этих трёх видах; среди трёх видов только один сексуально активен: это часть селёдок, два других вида – «кувалды» и «медузы» – в прошлом жили сексуальной жизнью, но давно не живут. (Вообще в России наблюдается огромный перекося в этой области, на хрупкие плечи молодых самок и проституток ложится основное бремя сексуальной перегрузки в стране, тогда как «кувалды» и «медузы» не несут никакой.) Надо сказать, что это обстоятельство отражается на работе наших учреждений, да и на всей жизни в стране. На работе «кувалды» и «медузы» находятся под пятой немногочисленной, но волевой и настырной группы начальников-мужчин. Мужчина-на-

чальник ни во что не ставит «кувалд» и «медуз» и не будучи никак ими очарован, относясь к ним как к мебели и стенам, склонен безжалостно их эксплуатировать. Седые «кабаны» – чиновники старшего возраста любезничают с секретаршами-селёдками, но вовсе не приветствуют «мымр» (общее название для «кувалд» и «медуз»). «Подкабанчики» – это чиновники не выше сорока лет – тем более презрительно воротят нос от «кувалд» и «медуз», потому некрасивые и немолодые бедняги эти вынуждены отыгрываться на посетителях (клиентах, просителях) учреждения. Если вы поставлены в положение, когда вам что-нибудь нужно от учреждения, уж «кувалды» и «медузы» поиздеваются над вами вдвоём.

«Кувалды» обычно носят костюмы – пиджак и юбку – плюс туфли на низком каблуке, высокий их в любом случае не выдержит, да и они его и не наденут никогда, у них в программе заложена эстетика строевого низкого каблука. «Медузы» предпочитают широкие сарафанного типа платья-балахоны, под ними свободно мечется и приплясывает, как ей угодно, их ненормированная, свободно развившаяся плоть.

Места скопления «медуз» и «кувалд» – там где их слишком много на квадратный метр – это бухгалтерии старых учреждений, это всякие БТИ, жилищно-эксплуатационные конторы (ныне они модно называются «Дирекция единого заказчика»), такие места обычно воняют от запаха протухшей бабьей плоти. Это очень неприятный, тяжёлый запах,

сходный с запахом смерти. «Селёдки» пахнут духами, дезодорантами, однако это до поры до времени. Редкая «селёдка» остаётся селёдкой всю жизнь. Рано или поздно она перемещается в разряд «кувалд» или «медуз».

Если проситель, он же клиент, хочет добраться до седого кабана, коренного, пристяжного и главного чиновника с гранитной полированной головой и брюхом тяжело беременной девятимесячной роженицы, то разумнее действовать через «селёдку». Разумнее обмануть «селёдку» по телефону. Например, если кабана последние лет сорок все зовут не иначе как «Алексей ибн Иваныч», то можно попробовать обмануть «селёдку», бросив ей в трубку: «Девушка, дай-ка мне Алексея», или, если ваш голос приближается к возрастному диапазону кабана, даже можно швырнуть: «Девушка, дай-ка мне Алёху!? Ну да, он знает, скажи, что Иванов на проводе». Такой наскок хорош, если имеешь дело с «селёдкой». Наиболее кондовые мудрые кабаны сажают к телефону на цепь «кувалд». Против «кувалд», как против лома, нет приёма. Оставьте надежду, если только вы действительно не ходили в один детский садик с Алексеем Ивановичем и не переговаривались на горшках.

Русские учреждения по всему ареалу распространения русской цивилизации однотипны и просты в структуре. От Камчатки до Калининграда и во всех странах СНГ, даже в Средней Азии мы создали бетонные пяти- и девятиэтажки, обшарпанные бетонные ж/д вокзалы, здания с буквами Ж и

М и учреждения. Как британцы оставили индийцам и всей бывшей империи свои колониальные порядки: администрацию, язык, ж/дорогу, – так и мы оставили туземцам наши. Каждое учреждение имеет вышеупомянутый набор типов: обязательные кабаны и подкабанчики во главе стада «кувалд», «медуз» и «селёдок». В Ташкенте и в Дербенте, в Кизилординском и Могилёвском, в Душанбе и Курган-Тюбе – везде вы увидите их, родимых. Только широта скуловых костей, да разрез глаз, да оттенки кожи меняются географически.

Как-то я пришёл в 1999 году в новое здание Комитета по печати. Мы перерегистрировали нашу газету. Сидя в приёмной к кабану, я сидел в коридоре, я видел, как дефилировали мимо трогательные «селёдки» с листиками бумаги, угрюмо тяжело шагали, сжимая увесистые папки, «кувалды», любопытно плелись небыстрые «медузы». Наблюдая моих персонажей, я качал головой, довольно смеялся и, полагаю, был похож на сумасшедшего. А я вёл себя всего лишь как учёный, очередной опыт которого опять убедил его в правоте выводов, сделанных им в результате многих наблюдений.

В своё время будучи редактором «Лимонки» мне приходилось ездить в несколько бухгалтерий: сдавать деньги за печатанье газеты, получать деньги за проданный тираж от распространительских учреждений. Делал я это с превеликой неохотой, поскольку долго находиться в одном помещении (а приходилось заполнять там всякие бумаги, считать деньги) с большим количеством женщин послерепродуктивного

возраста было физически неприятно. Этот тяжёлый запах, о котором я уже упоминал, эти грязные платки на плечах, эти волосы, эти вечные грязные чашки на рабочих столах, оставившие после себя десятки сатурновых колец на поверхности столов. Я старался дышать неглубоко и старался изгонять из воображения визуальные попытки его вообразить происхождение нечистых запахов, видение грязного белья на излишней плоти. Выскакивал я оттуда как пробка из шампанского и с жадностью вдыхал ближайший воздух.

В тех блистательных зарисовках российского чиновничества, которые нам оставили мои без сомнения гениальные коллеги Гоголь и Салтыков-Щедрин, не хватает именно женских портретов. «Кувалды», «медузы», «селёдки» во времена моих уважаемых коллег ещё не составляли большинство российского чиновничества, дискриминация женщин была, знаете ли, тому виной. Советская власть сделала возможным появление этих «сисек в тесте» в учреждениях. Если говорить о примерах видов, то, конечно, я могу привести примеры, хотя и неохотно. Боюсь однако, что примеры быстро состарятся. Ну кто будет завтра помнить г-жу Валентину Матвиенко, она типичная «кувалда», или Валерию Новодворскую, не занимая чиновничьей должности, она – типичная «медуза»? «Кувалдой» была и покойная г-жа Старовойтова, хотя временами обнаруживала и склонность к медузообразности. Бесспорная «селёдка» – мадам Хакамада.

Скверный характер женщин пострепродуктивного воз-

раста несомненно влияет на функционирование наших учреждений. Представьте себе судью, перепоясанную тесёмками лифчика плюс комбинации, трусы, вжившиеся в жирный живот, прокладку в причинном месте. Ёрзая, она решает судьбу 20-летнего пацана – убийцы по аффекту или чеченского боевика. Кабан всё-таки представляется лучше приспособленным биологически для такой работы.

Нора и Родина

Россия – это прежде всего чёрно-белая зима. Белая равнина, где, как маковые зёрнышки на бублике, рассыпаны группы мёртвых три четверти года деревьев. «Почему русский не спилит свой мёртвый деревья?» – звучит из раннего детства моего голос старого грузина, в первый раз путешествующего на поезде в Россию. Глядя из иллюминатора низко летящего самолёта, российское пространство хмуро и безотраднo. Белая плоскость с чёрными нитями дорог, проскоблёнными как бы ногтем на замёрзшем стекле. Белое – это саван мёртвого, это бельё больного, это снег. Белое – это не жизнь во всяком случае. Земля не должна быть белой три четверти года (Ну хорошо! Две третьих!), белой и морозной, с минусовыми температурами. Это противоестественно. Холод и белое – это отвратительно.

Продолжая лететь на воображаемом низко летящем самолёте, минуем чёрные группы строений внизу – это селения с редкими дымами. Минуем и более крупные (белёсые, ибо сложены из серого кирпича или серых бетонных блоков) скопления многоэтажных домов – это посёлки. И минуем такие же серые, призраками возвышающиеся на фоне плоскостей снега и среди чёрных жидких групп деревьев более обширные скопления многоэтажек, собранных группами, – это располагаются внизу города. Большая часть городов – неста-

рые поселения советского времени, неуютно, сиротливо выглядят эти человеческие поселения, процарапанные на белом. В густонаселённой Центральной России царапин этих на пейзаже множество. Одни прищепляются к другим, возбуждённо толпятся вдоль нити железной дороги. Если самолёт летит вечером и нет туч, то группки строений излучают слабые коптящие огни – на таких огнях не согреешь рук и сердца. Понятным становится, почему русского человека так притягивает Москва. Один из самых слабоосвещённых городов мира есть сноп света для русского провинциала, факел в сравнении даже с русскими областными городами. Обычно в них около 300–400 тысяч жителей, и они в свою очередь кажутся ярко освещёнными столицами путникам, явившимся из городов, где даже нет железнодорожной станции.

Природа скаречно даёт России мало света и ещё меньше солнца. Только отражаются от снегов нечистые, серые, в облаках небеса. Короткое, чуть ли не трёхнедельное пыльно-душное лето стиснуто с двух сторон холодным маем и морозящей осенью, часто наступающей в конце июля. От недостатка света бледна и бела кожа наших женщин, цвета ростков подвального картофеля; и сыроваты, некрепки души наших плаксивых мужчин. Наши дети зачаты в искусственном климате квартир. Инкубаторские, они быстро пухнут и растут как на дрожжах у горячих радиаторов, играют в скученном пространстве, взрослеют не на воле, а в этих вольерах для человека. Манера их выращивания аналогична

выращиванию какими-нибудь голландцами кур, или свиней, или коров быстро так называемым «батарейным» способом. Это когда животное стоит, стиснутое клеткой, схватывая еду с медленно постоянно движущегося мимо конвейера, быстро набирает вес, но никогда не гуляет, никогда не покидает клетки. Дерьмо удаляется из клетки другим конвейером. У животного слабые, никудышные ноги. Но на нём много мяса.

Российский пейзаж скучен. На него смотреть противно, как на золотушную простушку со вшами в косах. Цель русского пейзажа – послужить плацдармом для как можно большего количества бетонных домов-многоэтажек. В клетках этих бетонных сот в снегах между своими шкафами, унитазами, диванами и кухней размещаются семьи, батарейным способом русские люди. На каждого из них, по сути, приходится не намного больше места, чем на зоне. Постель, тумбочка, несколько личных вещей... Можно сказать, что русские размножаются и живут батарейным способом. Из-за холода они обладают очень малым пространством каждый. Они обездолены пространством, хотя и хвалятся обширностью своей морозной страны.

Россия – это прежде всего «спальный» район большого города. Те самые скопления серых бетонных блочных многоэтажек, над которыми мы только что пролетали на самолёте. Оторванные и резанные грязные двери, прикрывающие входы в такие дома. Входы во внутренности домов русские почему-то абсурдно называют «подъездами», хотя подъезд – это

территория, прилегающая к дому, путь, по которому подъезжают к нему. Русский подъезд – это на самом деле hall, или hallway по-английски, или отдалённое, но более точное французское escalier – лестница. Имеющий значение весь комплекс лестницы – подход к квартирам также. Так что у нас, у русских, нет даже слова, определяющего внутренность дома, но ещё не квартиру.

Прислонённые друг к другу отдельные многоэтажки-дома обычно брошены среди снежной равнины такими листами чудовищной книги. Это книга о русской нации, такой искусственной, как картофельные ростки. На самом деле дело в том, что жить на этих снежных широтах человеку уготовано не было. Он зря здесь угнездился, забрался слишком далеко на север. Отсюда присутствие искусственного, ненормального в русской психологии. Мы инкубаторные, искусственные люди задолго до клонирования. Мы всю нашу историю боремся с враждебной природой, с пейзажем, за уничтожение пейзажа.

Россия – страна квартир. За квартиры здесь убивают. Квартира – это место, где россиянин оплодотворяет икру своей самки, где он кормит детей, где совершается вся жизнь. Квартира – это его искусственная страна. Среднестатистический россиянин вырастает, таким образом, не на воле, но батарейным способом. Российская цивилизация – квартирная, батарейная.

В квартире у русского очень мало света. Ясно, что его

мало и в окружающей бетонные дома природе. Только серое небо – отражение в нечистом городском снегу. Но русский ещё и загораживается от света – навешивает на свои окна шторы, часто штор даже два слоя, чтобы подчеркнуть свою ненависть к действительности за окнами. Если в доме есть балкон или лоджия, она обязательно закрыта рамами и стёклами и встроена в квартиру. Дополнительная жилплощадь ещё более удаляет хозяина квартиры от дневного света. В русских квартирах царит полумрак мусульманского гарема. Неизвестно когда возникшая традиция положила на пол квартиры русского ковёр или даже множество ковров. Ковры же висят и на стенах, над кроватями. Чем зажиточнее дом, тем больше ковров на стенах и на полу. Если добавить любовь русских к тапочкам, спортивным шароварам и матерчатым абажурам с кистями, то можно догадаться или многое понять о происхождении русских. Так кичащиеся своей белой кожей русские имеют турецкие привычки и традиции. В этой турецкой атмосфере и протекает стеснённая жизнь русской семьи. Из кислых пелёнок вырастают белотелые девочки и слабовольные юноши. Они не знают пейзажа или не считают его своим. У выращенных в четырёх стенах, у них нет чувства пространства. У них нет плотского, чтоб увидеть и пощупать – понятия Родина. В известном смысле у них нет Родины. Их родина – это щель между кроватью, шкафом, ковром, грузными телами папки и мамки. В то время как для жителя молдавского Приднестровья, Сербии, Чечни, Абха-

зии, или Карабаха Родина – это улицы и дымки села, окрестные горы, леса, животные, сады, родной дом, выходящий окнами на единственный и неповторимый свой пейзаж; это разнообразные и оригинальные соседи – сельские жители. У ребёнка из спального района нет полноценной Родины, клетка в бетонной многоэтажке не может вызывать чувство патриотизма. Показательно, что в очень неплохой песне «Комбат» группа «Любэ» так формулирует Родину русского парня: «За нами Россия, Москва и Арбат». То есть Родина – улица сувениров с уродливыми плюгавыми домиками XIX века, на которой тусуется молодёжь. А другой нет. Мёрзлая, разрушенная бульдозерами при строительстве микрорайона содранная корка земли, слабо поросшая сорняками, не может быть Родиной. Древних зданий, «священных камней» в России грустно немного. Хвалёный Кремль занимает чужеродное место в русской жизни, как Диснейленд. С остальной Россией и даже Москвой он как-то не связан. Он Родина для правительства, как замок инопланетных пришельцев, а не для русского парня. Родина – это твой кусок особенной земли, где ты жил в детстве, а потом вышел оттуда и живёшь в более широкой Родине. Вот первой детской Родины у русского человека нет. Потому с оружием в руках свои настоящие человеческие дома с деревьями и садами отстаивали абхазы, сербы, приднестровские украинцы и молдаване, карабахские армяне. А русские за свои норы в мёрзлых квартирах оружие в руки не взяли. Отдали олигархам.

Широкой большой Родины у русского человека тоже не так много. В учебниках истории он изучает, что были какие-то славяне белокожие, блондины и рыжие, разглядывает на картинках, нарисованных художниками XX века (а то и XIX века) специально для учебников, этих славян. Длинные рубахи, на ногах лапотки какие-то, в руках копье, луки там, стрелы. Отечественный учебник всюду нахваливает этих славян: дескать, и храбрые, и благородные, и честные. Точно так же любой национальный учебник нахваливает свою нацию: германцы – свою, англичане – свою, итальянцы – свою. У итальянцев больше оснований нахваливать себя, чем у других наций, при том обилии исторических памятников, которые им достались. Славяне же могут разве что похвалиться воинственным вождём Святославом, ходившим биться с греками и грабить их. В любом случае почувствовать свою связь со славянами из учебников, сидя в спальном микрорайоне, трудно. Свою принадлежность к славянам можно понять разве что по языку: остальные славяне – чехи там, словаки, сербы – говорят на похожих языках. Общность славян нынче проявляется только в языках, в остальном же они доказывают, что они злейшие враги друг друга. Хорваты резали сербов так жестоко, что даже немцев тошнило, украинцы не переваривают москалей, не говоря уже о поляках, которые никогда, кажется, не забудут нам того, что около 200 последних лет мы навязывали им свою государственность.

Вообще прошлое известно русскому только по книгам, если он читает книги. Из ежедневной жизни ничего путного о прошлом не почерпнёшь. Простой народ плохо знает даты и скоро забудет, когда был день Победы над Германией. А если пойти вглубь от 1945 года, то кроме даты 7 ноября 1917 года, которую тоже уже не все помнят, не на чем держаться русскому человеку. Того, чему детей учат в школах (той, может быть, и не очень достоверной истории), детская память народа не держит. Слишком велик сонм современных персонажей кино, музыки – вся эта толпа лезет на передний план из телевизоров и конкурирует, – Шварценеггер, Сталлоне или Ван Дамм затмевают Суворовых, Кутузовых или Иванов Грозных, которые мелькнули один, два, три раза со страниц учебника и потонули в серых строках азбуки, называемой «кириллица». Учебники написаны монотонно. А Шварценеггера показывают по телеку часто. Потому и с большой Родиной дела у русского обстоят худо. Она по большей части свободно воображаемая.

Людей ещё сплачивает в Родину культура. Россию бы тоже должна бы по правилам определять русская культура. Так оно и было долгое время. Но кончило быть. Культура у нас представлена для широких масс только Пушкиным. Ленивое государство 90-х годов радостно ухватило за формулировку «Пушкин – наше всё» и кормит массы только Пушкиным. Причём ещё к полному скандалу для русских этот Пушкин частично негр, дворянин и помещик. Народу известно, что

Пушкин был влюблён в белотелую помещичью дочь Наталью Гончарову, имел от неё детей, был убит на дуэли французом. Пушкин написал множество четверостиший для календаря. Особенно ему удавались четверостишия о зиме (о чём же ещё?!), поскольку зима есть основная особенность России. Зима – это Россия. Состояние холода, не-уютa Пушкин переносил легче, чем другие русские, поскольку унаследовал от африканских предков солнечный темперамент. К тому же, будучи помещиком, он мог в зиме не участвовать, а смотреть на неё из окна спальни: «Мороз и солнце! День чудесный! Ещё ты дремлешь, друг прелестный!» (Это поэт перевёл взор на свою 16-летнюю белотелую супругу.) Или вот другое четверостишие, более характерное: «Зима, крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь...» Пушкину не надо было вылазить из постели, а крестьянин торжествовал потому, что грязь непролазная замёрзла и теперь можно пользоваться санями. Лошадь меньше уставать будет, и крестьянин не будет выбиваться из сил, вытаскивая из грязи колёса телеги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.